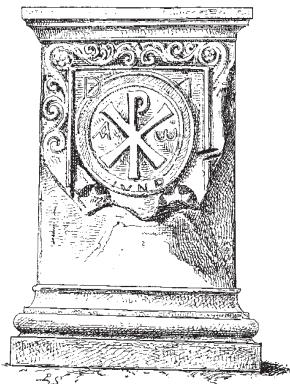

Европей-
ские го-
сударства
около
750 г.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

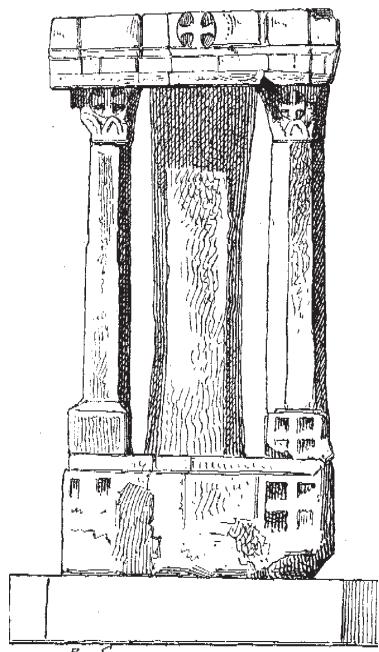
Карл Великий

В середине VIII в., 300 лет спустя после фактического исчезновения римской государственной власти на европейском Западе, на территории прежней Римской империи существовали три различные системы или группы государств и народов. И названия, и традиции единодержавной империи сохранились на Востоке, центром которого был отлично укрепленный и благоприятно расположенный *Константинополь*. Не подлежит сомнению, что этот город — с его старинными зданиями и более новыми постройками христианского периода, выросшими на основе древнего искусства — представлял собой в высшей степени величавое зрелище. Возвращенные завоеваниями при Юстиниане территории Западной Римской империи вновь были утрачены при последующих правителях, и около 750 г. уже ограничивались небольшими клочками итальянского побережья — Неаполем, Гаэтой, Калабрией, частью Апулии, частью Сицилии и Сардинии. При могущественном и деятельном императоре *Ираклии* (610–642) персы, исконные враги империи, после целого ряда походов были отброшены: с сыном Хосрова, противника Ираклия, в 628 г. был заключен почетный мир, по которому империи возвращались Сирия, Египет и величайшая святыня христианского мира — живоначальное древо Креста Господня. Но тому же государю пришлось сражаться с новым и более страшным врагом — *арабами*, угрожавшими не только ему, но и всему христианскому миру. Сирия и Египет вновь были утрачены, затем и провинция Африка; за первой осадой Константинополя (677 г.), которая окончилась мирным соглашением, последовала в 717 г. другая, благодаря неприступности столицы не удавшаяся и приведшая осаждающих к большим потерям. Среди арабов, осаждавших город, распространился слух, будто большое христианское войско идет с запада на помощь грекам; но этот слух был совершенно неверен. На самом деле, обе половины бывшей единой империи все более отделялись одна от другой, ибо религия связывала их недостаточно, и эта связь еще более подрывалась богословскими спорами и иконоборчеством. Но по прошествии некоторого времени грозная сила арабов стала слабеть благодаря междуусобным войнам, дворцовым переворотам и кровавым династическим расприям; халифат, так быстро охвативший все пространство земель от Татарии и Инда, на протяжении 200 дней пути, до Геркулесовых столпов и Гаронны, стал приходить в упадок, и рядом с *Багдадским халифатом* (Багдад был резиденцией Аббасидов) появился другой халифат или эмирят — Омейядский в *Кордове*. Брат Абу-л-Аббаса *ал-Мансур* (754–775), в 754 г. вступивший во власть, уже не мог в магометанском мире занять то высокое положение, которое подобало иметь духовному и светскому повелителю всех правоверных. На Западе Карл Мартелл положил пре-

Алтарь из Лозера. Франция.

Изначально был погребальным римским алтарем. Потом переделан христианами с добавлением монограммы Христа.

Алтарь из Тараскона. Франция.

На капителях и столе алтаря добавлены изображения крестов.

дел наступательному движению арабов: опасность их нападений не могла быть устранена до тех пор, пока германские племена, поселившиеся на Западе Европы, жили во вражде и раздорах. Хотя арианство, бывшее одним из поводов к этой взаимной вражде, уже начинало исчезать, лангобарды и франки, одинаково просвещенные христианством, относились друг к другу враждебно, а примкнувшие к Франкскому государству племена — аламаны, тюринги, бавары, к которым теперь также проникло христианство, были не равноправны с франками по своему подчиненному положению, и поэтому, естественно, должны были стремиться к независимости. Так из-под власти Пипина вышел юный баварский герцог Тассилон, сын сестры Пипина. Враждебным Франкскому государству было большое племя *саксов*, живших за пределами франкского господства; точно так же германское население стран скандинавского Севера еще не соприкасалось с областью распространения христианства. Только часть саксов, в VIII в. осевшая в Британии, отличалась от остальных германских племен. Эти саксы — *фризы, англы, юты* после усиленной борьбы, во время которой были почти уничтожены следы римской культуры, оттеснили туземцев к западу и северу Британии, и на острове появилось несколько небольших племенных государств, ради удобства называвшихся обыкновенно «Гептархией» (семицарствием). Этим англосаксонским государствам в Британии не было никакого дела до Рима, к которому даже Теодорих и Хлодвиг относились с некоторым вниманием. Эти государства стояли вне всякой связи с древней империей или с ее тенью и потому не пощадили даже христианства, зарождавшегося на острове. Вскоре, в конце VI в., римские христианские миссионеры проникли в Британию. Женитьба кентского короля на франкской княжне открыла бенедиктинцам папы Григория I путь к англосаксам, и в

противоположность старой британской, независимой от Рима церкви англосаксы стали приверженцами католической церкви, центром которой был Рим. Непросвещенной христианством оставалась восточная половина Европы (от 30° восточной долготы), заселенная массой славянских племен. Таким образом, весь известный в то время мир делился на три группы — христианскую, мусульманскую и языческую, и хотя последняя не выражала особой враждебности по отношению к христианскому миру, а распространение ислама как бы на время приостановилось, полное торжество христианства и сопряженной с ним своеобразной, т. н. западной культуры еще не было окончательно решенным.

И вот во главе этого христианского мира стал человек в высшей степени способный и по-своему великий. Он сумел сохранить плоды этой христианской западной культуры, положив основание сильной государственной организации и тем заслужив имя, которое дают деятелям прочной основы нового всемирно-исторического развития. Именно таким выдающимся деятелем был *Карл Великий*. Пипин, умирая, по старому германскому обычаю разделил свое королевство на две приблизительно равные части между двумя сыновьями. Карлу, старшему из них, было 26 лет, когда он стал править государством. Это был человек решительный, одаренный ясным умом, физически сильный, до 30 лет не знавший никаких болезней. Он был плотно и хорошо сложен, но не был человеком высоким. Фантастические представления о Карле Великом нетрудно проверить по двум его изображениям, сохранившимся до настоящего времени: по мозаике в Латеране и небольшой конной статуэтке, хранившейся в соборной ризнице в Меце. Судя по этим двум сохранившимся изображениям, он носил усы.

С первого же шага он при жизни своего брата Карломана выказал себя полновластным государем. Первым его противником был герцог Аквитанский *Гунальд*, наследовавший Ваифру, который думал для восстановления своей независимости воспользоваться благоприятными обстоятельствами при перемене правителей. Хотя брат и отказал Карлу в помощи, он сам за один

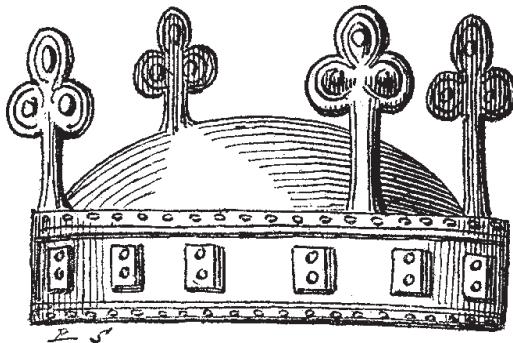
Одеяние каноника.
С миниатюры IX в.

Смерть
Пипина.
Карл и
Карломан.

Карл и
ланго-
барды.

поход управился с Гунальдом. Раздор, начинавшийся между братьями и грозивший Франкскому государству большими бедствиями, был устранен смертью Карломана в декабре 771 г. Оба его сына были несовершеннолетними, и все светские и духовные вельможи во владениях Карломана признали Карла своим королем. Тем временем со стороны Лангобардского королевства, где в 756 г. умер король Айстульф, уже ожидались серьезные трудности. Айстульфу после распри из-за престола наследовал *Дезидерий*, герцог Тосканский, и матери Карла, королеве Берте, удалось вступить с ним в родственные связи при помощи устроенного ею брака между Карлом и дочерью Дезидерия. Напрасно папа *Стефан III* предостерегал против сближения с этим народом — «с вероломным и грязнейшим лангобардским народом, который и причисляется к народам стыдно», о котором, как выражается озлобленный и ненавидящий лангобардов папа, «достоверно известно, что от него и прокаженные происходят». Тщетно заклинал папа Карла не вступать в этот брак, во имя Страшного суда, во имя всех тайнств господних, во имя мощей святого Петра, даже грозил проклятием: король развелся со своей супругой Гимильтрудой и обвенчался с дочерью Дезидерия. Однако, т. к. нравы при дворе франкских королей и в этот период были немногим лучше, чем во времена Меровингов, Карлу наскучила его новая жена, и он отправил ее обратно к отцу, который решил отомстить Карлу. Он признал сыновей Карломана франкскими королями. В римской политике он также решил следовать примеру своего предшественника и двинул большое войско для покорения Рима. Он и слышать не хотел о соглашении, которое предлагал ему новый папа *Адриан I*, не желавший принимать помощь франкского короля. Однако прибегнуть к ней пришлось. Карл собрал войско и двинулся в Италию через Мон-Сени. Часть войска вел его дядя Бернард другим путем, через перевал Мон-Жови, который с той поры получил название *Сен-Бернар*. Тут выяснилось, как мало внутренней связи было в лангобардском государстве и как незначительна была власть их короля. Дезидерий даже не решился принять битву в открытом поле — он поспешил укрыться в сильно укрепленную Павию. Там он выдержал долгую осаду, без надежды на какое бы то ни было избавление. Его сыну *Адельхизу*, некоторое время державшемуся в Вероне, удалось уйти оттуда и пробраться в Константинополь, где он был принят при дворе и мог безопасно ожидать наступления более благоприятного времени. Для Дезидерия же, когда он наконец вынужден был сдаться Карлу, не оставалось выбора: он был пострижен в монахи и отправлен в монастырь Корби (в нынешнем департаменте Соммы) в 774 г. После этой победы Карл присвоил себе титул короля франкского и лангобардского, а также все внешние регалии лангобардских королей. Карл, конечно, поступил чрезвычайно умно, предоставив побежденным лангобардам пользоваться некоторой самостоятельностью или тенью самостоятельности, хотя принял титул их короля. Это было необходимо по отношению к непокоренным еще вождям лангобардского народа — герцогам Фриульскому, Сполетскому и Беневентскому, последний из которых, Арихиз, зять Дезидерия, вместе с Адельхизом еще долго противился Карлу; только в 787 г. он был

окончательно побежден и вынужден стать данником Карла. Коронные владения лангобардских королей, по праву перешедшие во власть Карла, он заселил более надежными, преданными ему франками и аламаннами. Затем при первой возможности Карл передал всю страну лангобардов, по франкскому образцу, в управление графов, правителей, назначаемых королем, а сам обратился к другим делам.

Корона Гунальда,
герцога Аквитанского.

Печать Карла Великого.
Париж. Национальный архив.

Уже во время лангобардской войны все успели познакомиться с главным признаком государственной мудрости Карла и основой всех его успехов — с твердой волей, дававшей ему возможность доводить до конца задачу, за которую он принимался. То же свойство проявилось при выполнении другого, гораздо более сложного замысла — при покорении саксов, которое он задумал уже давно, еще когда после смерти Карломана стал править всем государством. Война с саксами, длившаяся четверть века (772—804), не была следствием стремления к воинственным приключениям или завоеваниям, ни каких-либо побуждений религиозного свойства — это была историческая задача, завещанная Карлу отцом и дедом. По внутренней необходимости, общему ходу и последствиям победоносного окончания эта война в истории германской нации и даже всей Западной Европы занимает такое же место и даже имеет такой же характер, как Самнитские войны в римской истории. Саксонский народ или, лучше сказать, объединение племен, которое в течение многих веков существовало в Северной Германии под этим названием, жил на территории между Эльбой и Рейном, занимая пространство от слияния рек Фульды и Верры и до Эйдера. Самих саксов подразделяют на пять больших племен, входивших в состав государства или союза, который они составляли: *вестфалов, ангариев, остфалов, фризов и нордальбингов*. Все они были язычниками, и ни в установлении государственной связи между разрозненными силами народов, ни в отношении каких-либо иных стремлений к высшим целям они в последние века не продвинулись вперед. Они не знали королевской власти, и в мирное время у них не было даже признака

Приготовления к войнам с саксами.

общего правления; только ради ведения войны или хищнического набега ими избирался *герцог* или, вернее, герцоги отдельных племен и племенных союзов. У них было почти то же, о чем повествует Цезарь в рассказе о свевах: отдельные общины, управляемые выборными старшинами, жили по обычаю праотцов; общие вопросы разрешались на общих народных сходках, которые собирались в определенное время и в определенных местах и каж-

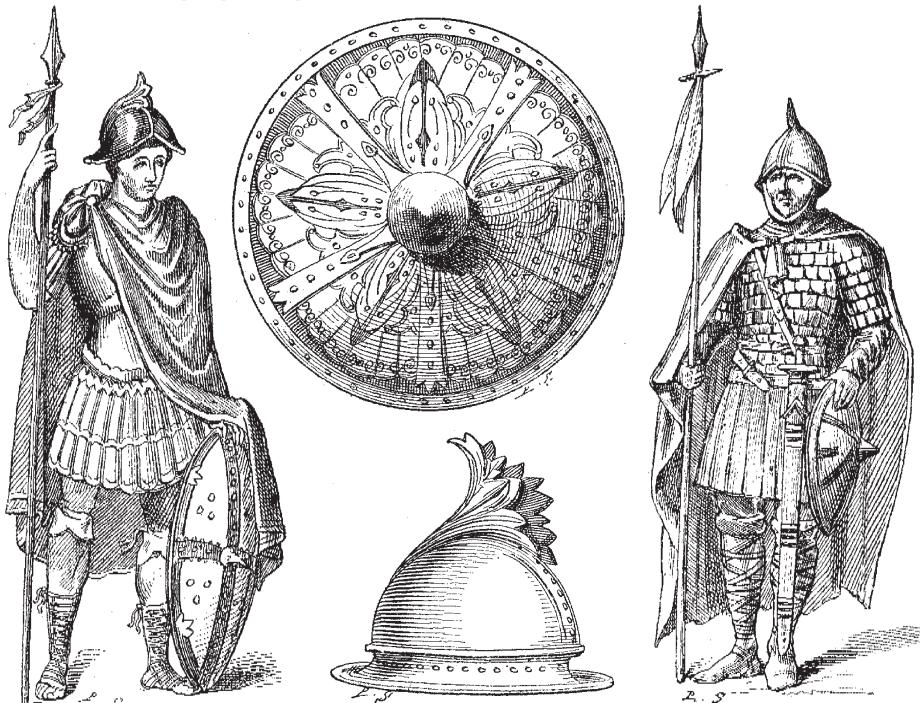

Серебряное денье (слева) Карла Великого лионской чеканки. Монета (справа) Карломана (768–771) брата Карла Великого. Париж. Нумизматический кабинет.

дый раз, когда стране грозила общая опасность или же когда общее предприятие против соседей сулило успех и богатую добычу. Характер подобной общины (или общин) демократичен только условно: в ней неизбежно существует господствующий класс *свободных* (*Freie* или *Frlinge*), противостоящий многочисленным несвободным, покоренным в силу военного права, и из массы свободных выдвигаются, в силу известного естественного развития, которое наблюдается во всех подобных условиях, благородные, *знатные* (*Edelinge*, *Adelige*), сильные, воинственные, окруженные многочисленными дружинами. Давно уже они были страшны соседям, а при благоприятных обстоятельствах могли быть гибельными даже для Франкского государства. Проницательный Карл понял, что — если можно употребить в данном случае современное выражение — эра переселения народов, неправильных захватов земли, вторжений на культурную территорию уже прекратилась; вот почему в мае 772 г. в Вормсе на одном из тех весенних съездов, на которые с давних пор ежегодно съезжались к королю духовные и светские вельможи, была решена война против саксов.

Войны с саксами. В этой борьбе с саксами интересы Франкского государства и христианской церкви совпадали, хотя в первые годы войны никаких обращений из язычества в христианство не последовало. Война велась таким образом: на майском съезде, в одном из мест, ближайших к театру войны, принимались необходимые меры к походу, и затем этот поход начинали с некоторой торжественностью, которой церковь придавала обрядовую сторону. Впереди войска несли мощи, какие были под руками; и духовенства при войске было очень много: «священников, аббатов, пресвитеров, учителей веры, сколько возможно было их собрать... и обязанность их заключалась в том, чтобы они своими святыми наставлениями поучали и покоряли под кроткое иго Христово народ, испокон века находившийся в узах бесовских». Воевали, опустошали страну, разрушали языческие капища. В 772 г. было разорено знаменившее из них, Ирминсул в Эггских горах — святилище, значение и внеш-

ний вид которого неизвестны. Затем неприятельские общины покорялись, некоторых князей или эделингов удавалось крестить, от общин брали заложников, размещали гарнизоны в удобных местах, как, например, Эресбург при Штадтберге, и начинали строить церкви. Но при первом удобном случае, когда саксы знали, что франкский король далеко, народ поднимался, вероломный, как все варвары, нарушил все клятвы, данные от его имени, нападал на

Воинское снаряжение времен Каролингов (слева направо).

Изображение воина из Золотой псалтыри Санкт-Галленского монастыря; панцирь напоминает римскую мускульную кирасу, шлем с гребнем аналогичен шлему, найденному в захоронении под Сесто-Календе. Реконструкция каролингского щита (вверху), изготовленного из дерева, обтянутого кожей и обитого железными полосами. Бронзовый шлем (внизу) из захоронения под Сесто-Календе. Реконструкция каролингского всадника, сделанная в XIX в.

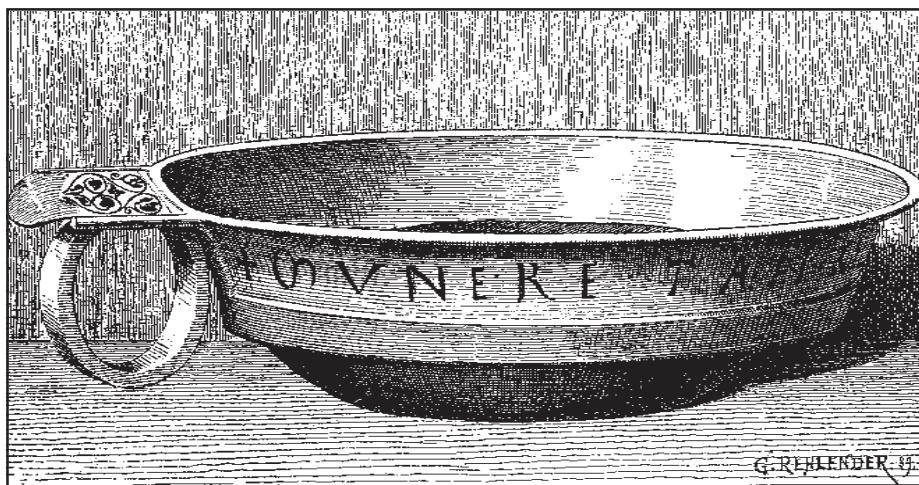
гарнизоны и пытался уничтожить наложенное на него рабство. Так тянулась война, жестокая и кровавая; так были утрачены все приобретения первых лет войны, когда Карл был отвлечен войной с лангобардами. Возвратясь оттуда, он послал в страну саксов летучие отряды для ее опустошения. В 775 г. Карл лично повел туда большое войско, и страна саксов ему покорилась, но уже в следующем году во время его пребывания в Италии страна вновь восстала. Это повторялось несколько раз: в 777 г. в Падерборне был созван майский съезд; на него явилось много саксов и их знати, были пред-

приняты меры к установлению более прочной организации. Но уже в следующем 778 г. воинственные толпы саксов появились на берегах Рейна. Они подступили под самый Кёльн и все на правом берегу Рейна (на левый они не могли или не решились переправиться) предали огню и мечу: опасались даже за гроб святого Бонифация, так что фульдские монахи поспешили припрятать его в безопасное место.

Мятеж Видукинда. В этот год Карл предпринял важный, но не особенно удачный поход за Пиренеи; восстание саксов вызвало его оттуда, и в походах двух следующих годов он лично предводительствовал войсками. В его руках были довольно значительные силы; саксы поспешили заявить о своей покорности, многие из них крестились. Вскоре после этого многие саксонские эделинги должны были признать, что тщетно противятся преобладающему могуществу франков, что их интерес должен побуждать к скорейшему соединению с государством. Ввиду этого Карл на одном из съездов 782 г. попытался установить свое окружное управление в стране саксов и даже многих из саксонской знати возвел в графское достоинство. Но у саксов в это время появился смелый вождь — *Видукинд*, который стал руководить своим народом в духе Арминия и даже побуждал их действовать против Карла, как тот некогда действовал против Вара. Между франками пронесся слух о вторжении сорбов (сербов) — славянского племени, жившего между Заале и Эльбой. Когда же франкское войско явилось на саксонскую территорию, оказалось, что бунтуют сами саксы и Видукинд предводительствует мятежниками. Вместе с рипуарским вспомогательным отрядом под предводительством графа Теодориха франкское войско довольно несогласно и слишком неосторожно произвело нападение на саксов, которые к этому нападению готовились, а потому со всех сторон окружили франков и нанесли им такое же жестокое поражение, какое было нанесено Вару в Тевтобургском лесу. Спаслись немногие, и поражение это было тем более чувствительно, что во время битвы погибло несколько именитых сподвижников Карла. Карл решил жестоко наказать саксов за вероломство. Быстро собрав сильное войско, он поспешил в Саксонию и созвал саксонских вельмож. Главный зачинщик и руководитель восстания Видукинд бежал к норманнам и ускользнул от мести Карла, потребовавшего выдачи ему 4,5 тысяч саксов и приказавшего их обезглавить близ Вердена на Аллере. Это вновь возмутило весь народ против Карла, тем более что саксам не по сердцу пришлоось ни новое государственное устройство, ни новая вера, требовавшая уплаты десятины священникам. Партия Видукинда опять взяла верх. Последовали новые битвы, и дело приняло иной, более благоприятный для франков оборот только с 785 г. Зиму 784/785 г. Карл провел в Саксонии; летом ходил походом до берегов Эльбы. По-видимому, именно тогда большинство саксов разуверилось в могуществе своих богов и признало тщетность дальнейшего противодействия прочно устроенному Франкскому государству, во главе которого стоял мощный единодержавный государь. В числе этих саксов находился и сам Видукинд, и другой влиятельный вождь, Аббио. Оба они крестились: с этой целью они явились к Карлу в Аттины, в Арденнах, и были им очарованы.

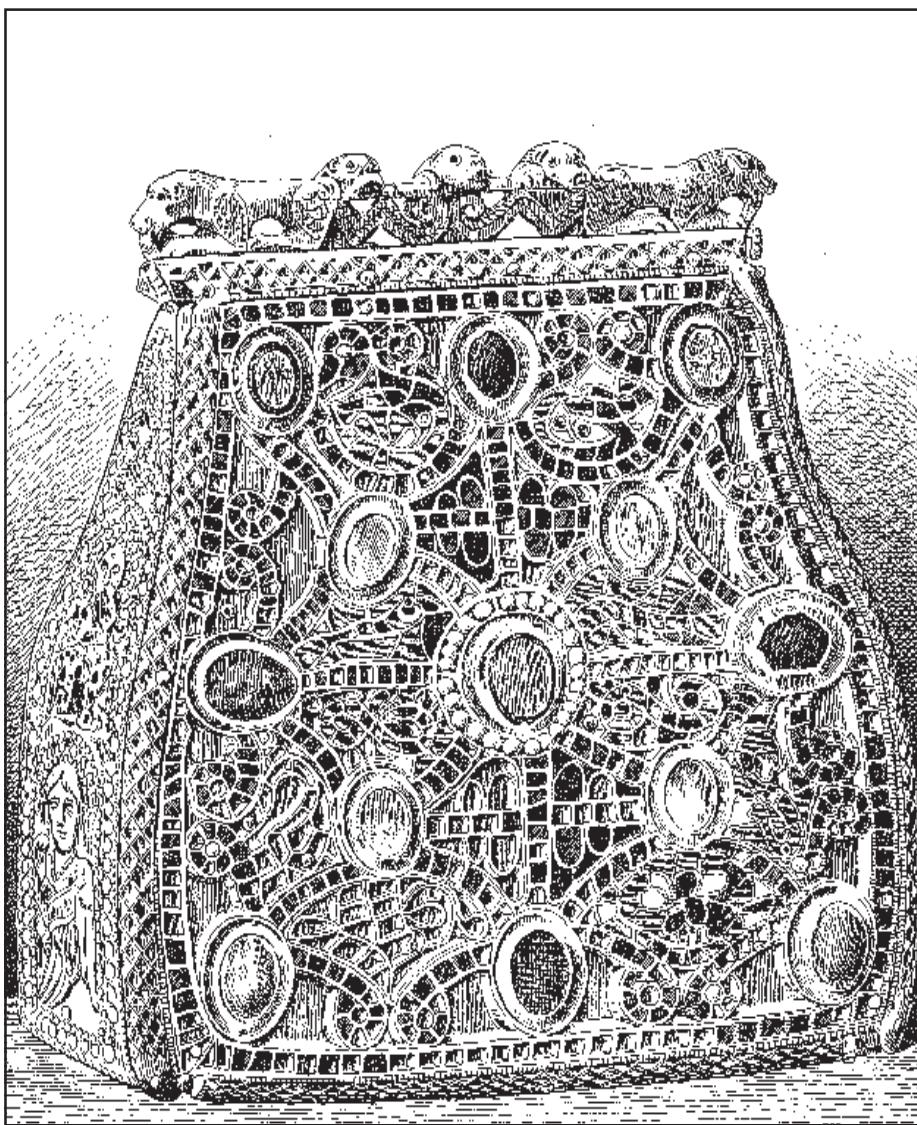
После этого всем было предписано крещение под страхом смертной казни, и весьма подробный статут, т. н. *Падерборнский капитулярий 785 г.* урегулировал все отношения в стране саксов. По этому статуту смертной казни подлежал тот, кто ограбит или подожжет церковь, нарушит святой 40-дневный пост из неуважения к христианству, убьет епископа, священника или дьякона, кто по дьявольскому соблазну назовет мужчину колдуном, а

Падер-
борнский
капиту-
лярий.
785 г.

Крестильная чаша Видукинда, герцога саксов.

женщину ведьмой, и сожжет их, и станет есть их мясо или давать другим, кто станет сжигать трупы умерших, укрываться от крещения или приносить людей в жертву дьяволу или бесам, составлять заговоры против христиан или их короля, устраивать возмущения против короля, или же убьет своего господина или госпожу. Кто не окрестит своего ребенка в первые же дни по рождении, платит: эделинг — 120, свободнорожденный — 60, несвободный — 30 шиллингов; точно так же платит денежный штраф тот, кто приносит жертвы у источников и деревьев или в рощах. Языческих жрецов и прорицателей следует отныне выдавать церкви; тела саксов-христиан — хоронить на христианских кладбищах, а не зарывать в языческих могильных холмах. На христианские церкви было распространено право убежища, что способствовало внушению уважения к ним в новообращенной пастве. На каждые 120 человек надлежало выделять в пользу церкви одного раба или рабыню, и сверх того, по заповеди Божией, все: эделинги, свободные или несвободные, — должны были уделять церкви десятую долю своего дохода. Общие народные собрания были запрещены, кроме тех случаев, когда они «собирались по воле короля его посланниками». Прежде чем народ подчинился всем этим законоположениям, Карлу пришлось усмирить еще одно восстание. Затем он окончательно переманил на свою сторону знать и разъединил ее с народом:

Реликварий в форме сумы Видукинда, герцога саксов.

Реликварий украшен обычной и перегородчатой эмалью в золотой оправе.
По преданию считается, что он вместе с крестильной чашей был подарен Видукинду Карлом
Великим при принятии тем христианства. Видукинд же якобы завещал их основанному им
монастырю святого Дионисия в Энгере близ Херфорда (Вестфалия).

в 797 г. много саксонских эделингов присутствовало на съезде в Аахене, где вышеприведенные суровые постановления были значительно смягчены. Тогда же завершилась и церковная организация: епископские кафедры учреждены в *Хильдесхайме*, *Падерборне*, *Бремене*, *Вердене*, *Мюнстере*, *Оснабрюке*, и в эти города разосланы мощи или части мощей, какие можно было отыскать. Суровым, но действенным средством умиротворения Саксонии были массовые переселения народа во франкскую землю, а оттуда в Саксонию. Сохранившиеся названия местностей и городов, произведенные от слова «франк» (*Франкфурт*, *Франкенталь* и т. п.) в Северо-Западной Германии и слова «сакс» (*Заксенхаузен*, *Заксенхайм*) в Южной Германии, напоминают об этих переселениях; говорят, до 10 тысяч семей было выселено из Саксонии на франкскую территорию. В 804 г. всякое сопротивление прекратилось. Строгими мерами были достигнуты громадные результаты: введением сильного и многочисленного саксонского народа в состав франкского государственного организма была создана возможность возникновения в будущем германского государства и германской нации.

Границей Франкского государства стала *Эльба*, и, как прямое следствие этого, потребовались войны против славянских племен, живших за этой рекой: *оботритов* (*бодричей*), *сорбов*, *вильцев*, а также против *датчан*, которые долгое время служили саксам опорой, а их вождям давали убежище в случае нужды. Эти славянские племена не сумели воспользоваться временем великой борьбы двух германских народов и не сплотились в одно целое для дружного отпора будущим опасностям. То была неорганизованная масса отдельных, самостоятельных, не связанных между собой небольших государств или племен, живших в раздорах, не подчиняясь ничьей власти. Только однажды, в VI в., франкскому купцу или удальцу *Само* удалось соединить некоторое число этих племен в более обширное государство, но на очень короткое время. Из тех исторических потемок, которые окружают эти восточные земли, выясняется только одно: франкские купцы проникали и сюда, эти торговые отношения приносили им большие выгоды, сопряженные, впрочем, с большими опасностями. Что же касается датчан, то с ними в 811 г. был заключен договор, по которому *Эйдер* стал границей Франкского государства, которое уже несколько лет носило древнее гордое название Римского.

Это государство и его властный правитель испытали свою силу на герцоге *Тассилоне*, который отказал в повиновении и королю Пипину, и его преемнику. Он был женат на дочери Дезидерия Лиутберге, следовательно, относился враждебно и к Карлу — однако ни во время лангобардской войны, ни во время затруднений, вызванных войной с саксами, не решился сделать задуманный им шаг и сбросить франкское господство с земли лангобардов. Он вел себя двусмысленно, однако неясно, в каком именно случае и каким образом он отказался повиноваться Карлу: известно только, что Карл приказал своему войску тремя отрядами вступить в землю Тассилона, и тем вынудил его без всякого кровопролития выдать заложников как ручательство его образа действий. Эта зависимость была для Тассилона и его супруги Лиут-

*Славяне.
Датчане.*

*Падение
Тасси-
лона.*

берги невыносима, и они вошли в предательские отношения с соседним языческим племенем *аваров*, чем возбудили к себе ненависть даже своих подданных. Это обсуждалось на одном из съездов в Ингельхайме, и здесь Тассилону припомнили все его вероломные нарушения клятв в верности, принесенных и королю Пипину, и его сыновьям Карлу и Карломану, произнесенных к тому же над священными мощами св. Дионисия, св. Мартина и св. Германа — на этом основании присутствовавшие на съезде высшие духовные и светские сановники приговорили Тассилона к смерти. Но Карл не захотел проливать его крови. Он отправил его и всех членов его семейства в монастырь (788 г.), где Тассилон вскоре умер. Его герцогство было поделено на отдельные округа, и каждый из них поручен в управление особому графу. Эта перемена была проведена без всякого затруднения, т. к. все герцогство было напугано возможностью вторжения аваров и потому охотно искало спасения в тесном единении с великим Франкским государством.

Карл не замедлил двинуться войной против этого хищнического племени, которое занимало своими поселениями большую часть современной Австрии и почти всю Венгрию. В аварскую землю разом двинулись три армии. Одна шла из Италии, под началом Пипина, второго сына Карла; главной руководил сам Карл. Успеху похода способствовали раздоры между варварами. Решительный удар

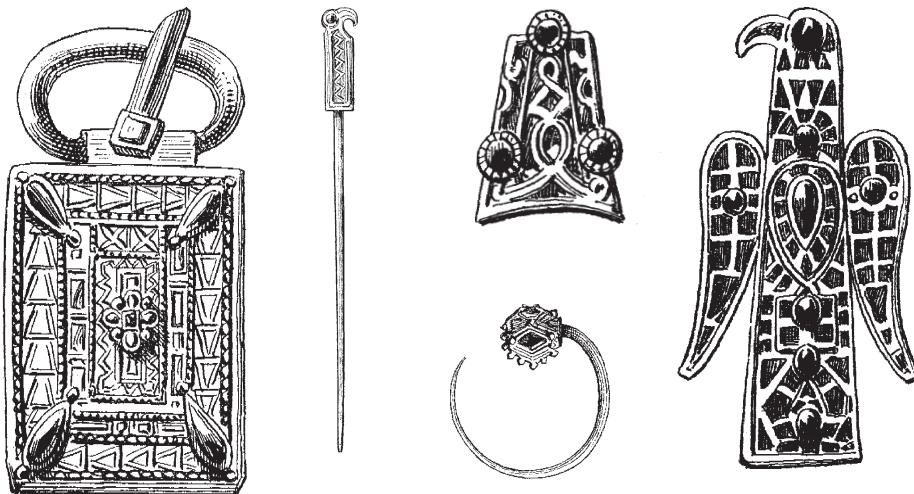

Усмире-
ние ава-
ров.

Кубок Тассилона, герцога баваров.
Кремсмюнстерский монастырь.

аварам был нанесен взятием системы кольцеобразных укреплений, окруженных каменными стенами и частоколом из толстейших бревен; среди этих укреплений было расположено много поселений. Взяв штурмом укрепления, франки обогатились несметными сокровищами нагроможденной здесь добычи аварских хищнических набегов и вторжений. Добыча, занявшая несколько больших обозов, была настолько громадна, что даже наступившую в ближайшие годы дорожевизну во Франкском государстве все объясняли из-

бытком благородных металлов, доставшихся франкам в руки. Некоторая часть аварской земли была превращена в *Аварскую марку*, с военным устройством управления, так что мирный труд был окончательно защищен от гибельных вторжений варваров. Дело обращения покоренного народа в христианство в 798 г. было поручено новому архиепископу *Зальцбургскому*.

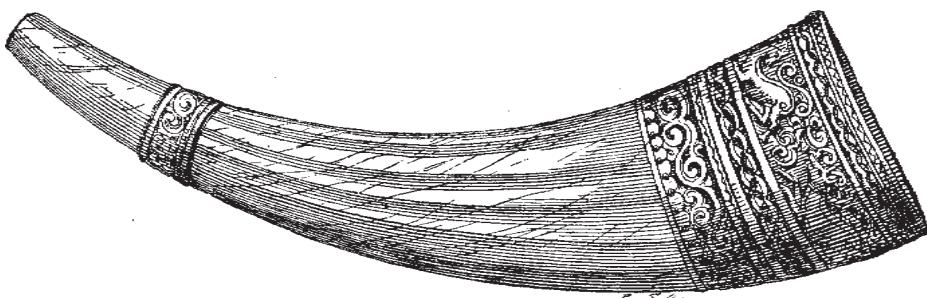
Предметы роскоши времен Каролингов. Музей Клюни.

Слева направо: золотая пряжка от ремня, украшенная бирюзой; серебряная шпилька; накладка на одежду; золотая серьга; золотое украшение с бирюзовыми кабашонами.

Так продвинул Карл свое могущество на восток и утвердил его с замечательной удачливостью, но с еще более замечательной последовательностью: до границы, которой достигала его власть, простиралась теперь на Западе и область, которая могла служить поприщем спокойного процесса, медленной, но непрерывной культурной работы. Это было большой заслугой Карла, тем более что эта культурная работа встречала препятствия к распространению не только на востоке, но и в мусульманском мире. Нельзя сказать, чтобы арабы в *Испании*, где они, главным образом, обращали на себя внимание франкской политики, уничтожили существовавшую там культуру и вообще выказали себя варварами: населению Пиренейского полуострова жилось под их властью лучше, чем под властью вестготов. Туземцы сохранили свою земельную собственность; араб не занимался земледелием, а получал пропитание, отчасти натурой в виде дани от побежденных. Последние, сверх того, платили поголовную дань, как и теперь ее платят христиане туркам в Турции. Эта дань была формальным, несколько унизительным, но не обременительным признанием господства правоверных над «неверными». Но, по крайней мере, «неверие» их не считалось преступлением, как то сплошь и рядом бывало в христианских странах; каждый, переходивший в ислам, избавлялся

Карл и
арабы.
Испан-
ская
марка.

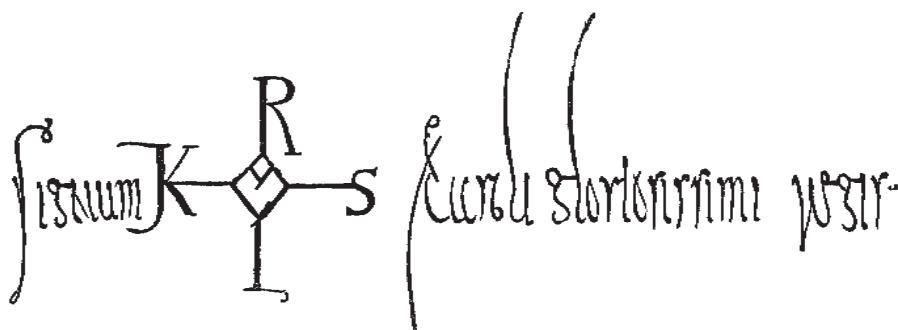
от этой подати. Такая награда многих привлекала к переходу в ислам, тем более что и несвободные или рабы, перешедшие черту владения мусульманина и здесь произнесшие заветное изречение ислама: «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его», — одним этим восклицанием, как по волшебству, приобретали свободу. Арабы были далеки от нетерпимости, которую еще недавно в той же Испании проявляли в своих догматических распрях или позднее в своих отношениях к иудеям христиане; они довольствовались тем, что «неверные» были обезоружены и вынуждены служить победи-

Рог Карла Великого, по преданию подаренный ему Харуном ар-Рашидом. IX в.
Сокровищница капеллы в Аахене.

телям. Вскоре среди господствующего слоя арабского населения проявилось расположение к научным стремлениям, и страна стала процветать под их управлением: однако будущность человечества была не в их руках. Ислам не способствует развитию наиболее глубоких жизненных начал; ему и как верованию, и как религии не хватает той непосредственности христианства, которое способно постоянно производить новые идеи, извлекать новые сокровища из неистощимого запаса духа. А между тем, в данный момент сила приверженцев христианства была доведена в Испании до ничтожных размеров. Остатки бежавших вестготов укрылись в неприступных теснинах западных Пиренеев, в Астурейских и Кантабрийских горах. Здесь образовалось маленькое королевство *Астурия*, захватившее крайний северо-запад Пиренейского полуострова. В то время, когда Карл вынужден был обратить внимание на Испанию, в Астуре правил король Альфонс II. Однако не стремление к завоеваниям, столь прославляемое многими историческими повествованиями, побудило Карла перейти Пиренеи. Близкое соседство арабов с 711 и 732 гг. было некоторой угрозой для Франкского государства, тем более что арабы занимались пиратством, и Карл считал себя обязанным принять под свою защиту население италийского и галльского побережий. Внешний повод к вооруженному вмешательству был дан Карлу раздорами, происходившими в магометанском мире. В 777 г. он принял послов эмира Ибн ал-Араби, сторонника Аббасидов, изгнанного из Сарагосы омейядским халифом Абд ар-Рахманом; а в 778 г. Карл с войском уже стоял на берегах Эбро, Сарагоса была взята штурмом, а арабы-союзники поставлены в лен-

ные отношения к королю франков; однако весть о восстании саксов вынудила Карла удалиться из Испании. Тут при обратном походе через Пиренеи арьергард его армии в диком Ронсевальском ущелье попал в засаду басков, побужденных к этому нападению предательскими происками герцога Аквитанского *Луны*. Среди многих жертв этого внезапного нападения особенно известен храбрый маркграф бретонского побережья *Хруотланд*, прославленный поэзией германских и романских народов в их песнях о Роланде. Карл должен был примириться с этим несчастьем, тем более что возмездие

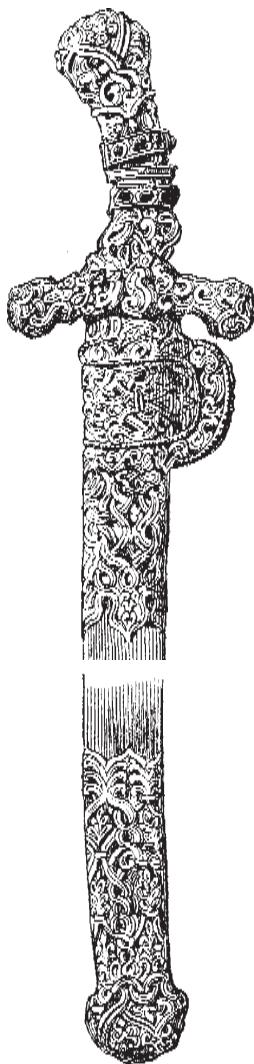
Подпись Карла Великого. С акта, данного в Куфштейне 31 августа 790 г.

Надпись по-латыни, сделанная рукой секретаря, гласит: «Подпись ... Карла, достославного короля». На месте «...» — ромб с уголком в середине королевской монограммы, поставленный Карлом собственноручно.

за него оказалось совершенно невозможным. Гораздо более всякого возмездия на басков подействовало великолупшие Карла, который признал *Санчо*, одного из сыновей Луны, герцогом, хорошо понимая, что новый герцог вынужден будет дружить с Франкским государством из-за опасности, грозившей ему со стороны сарацин. Младший сын Карла Людовик завершил политические замыслы своего отца: в 801 г. здесь была учреждена *Испанская марка*, и ее столицей признана *Барселона*, а марка поделена на 10–12 графств и подчинена ведению четырех епископов. Это завоевание было в высшей степени благодетельным: не только Галлия была защищена от дальнейших набегов сарацин, но и христианскому населению Испании была дана надежная опора и поддержка. Вскоре появилась возможность действовать отсюда и против ислама.

Эта борьба с омейядским халифатом самым благоприятным образом подействовала на отношения Карла к аббасидским халифам *Багдадским*. Его интересы совпадали с их интересами в Испании. И не только в этом направлении — повелителю правоверных было желательно, чтобы рядом с враждебной ему Восточной Римской империей установилась равносильная ей Западная Римская. Что касается *Восточной Римской империи*, то она, несмотря на внутреннее и внешнее события двух последних веков, все еще представляла собой мощный государственный организм. Тогда, после смерти Льва IV (780 г.), империей правила его вдова, императрица *Ирина* — женщи-

Отношения к Восточной Римской империи.

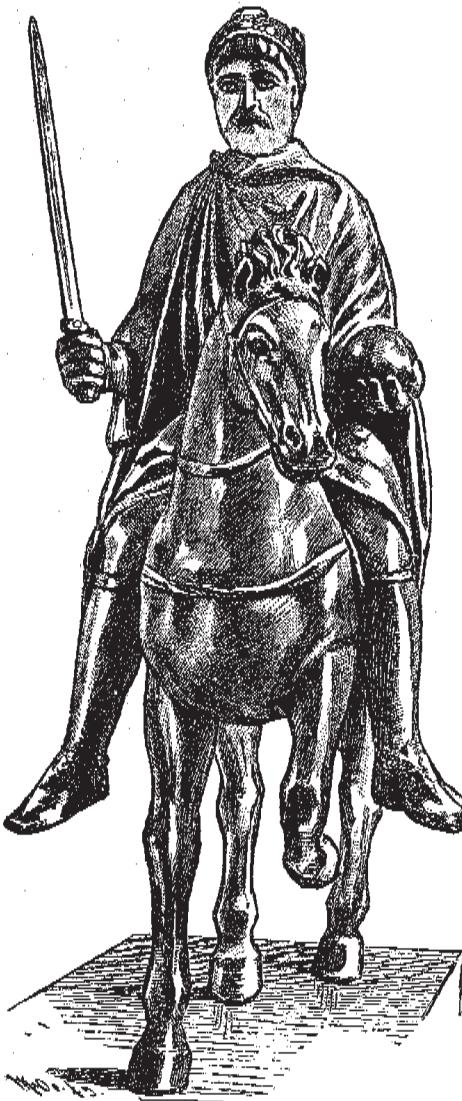
Меч Карла Великого, по преданию подаренный ему Харуном ар-Рашидом. IX в. Сокровищница капеллы в Аахене.

на умная и, несмотря на свою порочность, вполне способная справиться со всеми случайностями, каким была подвержена высшая власть в Византии. В качестве правительницы во время несовершеннолетия своего сына Константина VI она сумела придать церковной политике иное направление, прекратив иконоборческую смуту, улучшив тем самым отношения Византии к Западу и римскому епископу. Препятствовать успехам франкского могущества в Италии она была не в силах и могла только предложить Карлу династический брак, просвав его doch за своего сына, юного Константина Порфирогенета (Багрянородного¹). Карл принял это предложение, но брак не состоялся, т. к. Ирина нарушила договор о браке в 788 г., опасаясь, что этот брак даст ее сыну такую самостоятельность, какой она не желала; когда же сын стал приближаться к совершеннолетию и готов уже был принять бразды правления в свои руки, она окончательно с ним рассорилась. Этот раздор в Византии, где никакие злодейства не совершались наполовину, привел к невероятным последствиям. Бесчеловечная мать устроила заговор против своего сына, злодеи внезапно напали на него и ослепили, а Ирина продолжала править от его имени (797 г.). Разумеется, эти события испортили отношения с Франкским государством: уже с 788 г. они стали враждебными, лангобардский претендент Адельхиз нашел себе убежище и даже поощрение своих притязаний при византийском дворе.

Быть может, именно эти неприязненные отношения с Византией способствовали тому, что Карл окончательно принял решение, к которому и без того побуждал его ход событий. Он уже не мог править многочисленными странами и народами, которые были захвачены им в первые 30 лет правления, продолжая носить титул *короля франков*, — как не мог бы и Александр Великий править своим азиатским царством, продолжая именоваться македонским царем. Чтобы примирить и слить воедино все разношерстные элементы в своем царстве: германские племена франков, саксов, фризов, лангобардов, баваров, аламаннов с романскими, славянскими и иными составными частями государства, — Карлу необходимо было принять новый, так сказать, нейтральный титул, который мог бы

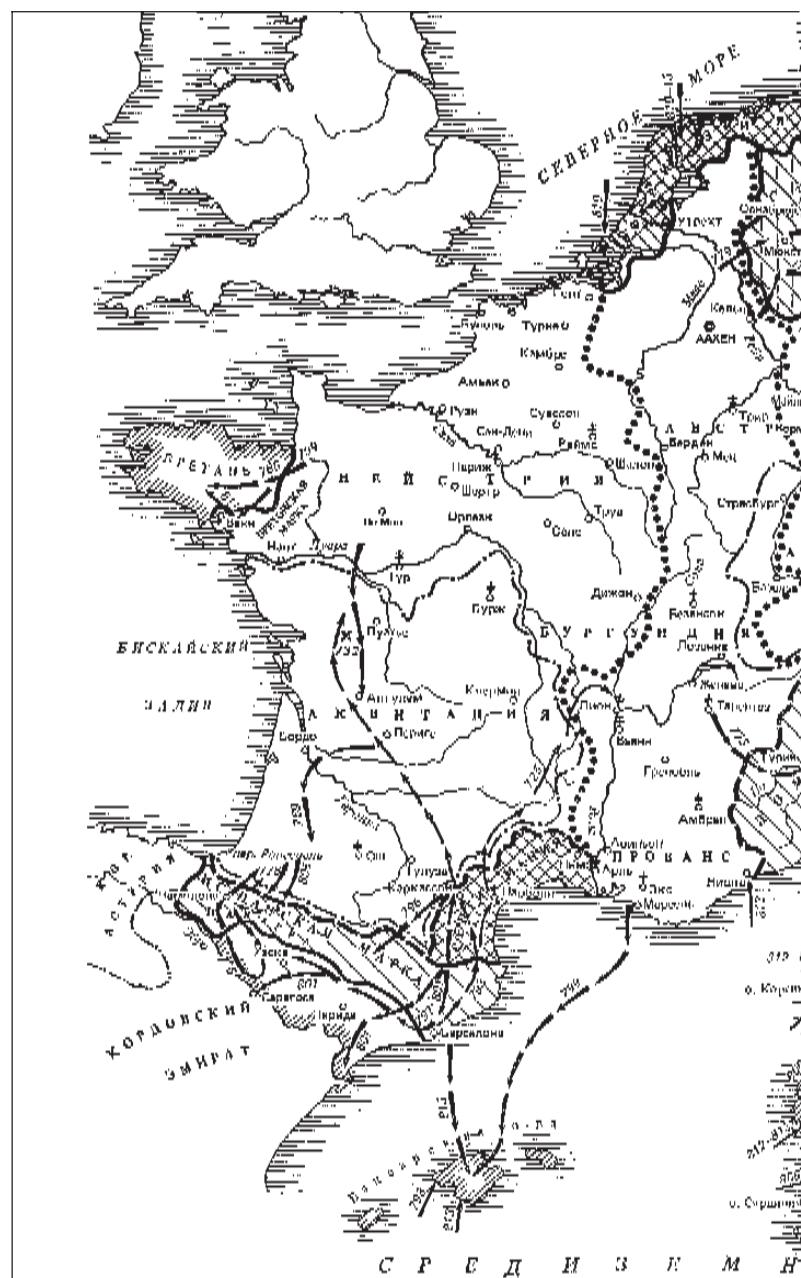
¹ Ошибка автора: Багрянородный — Константин VII, а не VI. (Ред.)

придать ему неоспоримый авторитет и значение в глазах всех подданных. Таким титулом мог быть только титул *римского императора*, и вопрос был только в том, каким образом его добить. Провозглашение Карла императором могло произойти только в *Rime*, и вскоре этому представился случай: папа *Лев III*, в 795 г. наследовавший Адриану I, случайно очутился в таком положении, что должен был искать защиты у Карла, который в качестве римского патриция был представителем высшей власти по отношению к Риму и его области. Дело в том, что в Риме среди папского двора установились чересчур светские порядки. Знатные родственники предшествующего папы и несколько честолюбцев или корыстолюбцев составили заговор против нового папы; заговорщики напали на Льва III, избили его, но ему все же удалось ускользнуть. Он поспешил за Альпы к Карлу и встретился с ним на саксонской территории, в Падерборне. То, что случилось в Риме, каждому ясно указывало на необходимость учреждения высшей третейской власти, и все поняли, что предстоит нечто весьма важное, когда вскоре после того сам Карл с весьма значительным войском двинулся в Италию. Папа Лев III, принятый Карлом под защиту и успевший убедить короля в своей полной невиновности, отправился вперед. По прибытии в Рим Карл формальным судебным разбирательством решил расплю между папой и его обвинителями, что очень не понравилось епископам. Папа Лев III очистил себя от обвинения клятвой, после того как

Предполагаемое изображение Карла Великого на коне. Париж. Музей Карнавале.

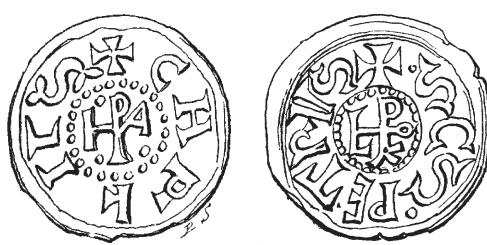
Бронзовая статуэтка. Некогда хранилась в соборе Меца, потом была приобретена муниципалитетом Парижа, в июне 1871 г. после пожара в ратуше была извлечена из-под обломков и передана в музей.

его обвинители не смогли привести доказательств в подкрепление своего обвинения, затем знаменательный акт коронования Карла произошел в Рождество 800 г. в прежней базилике святого Петра. После того как Карл отслушал в базилике обедню и совершил молитву, восстановленный им папа возложил на него корону, и произнесенный им возглас: «Да здравствует и да благословен будет Богом венчанный великий и миролюбивый император Римский Карл Август» был трижды повторен всеми присутствовавшими

в храме. И произнесение этой формулы, и общий ход дела доказывает, что все произошло не случайно, а было выполнено по определенной программе: в храме святого Петра при этом венчании присутствовала не случайно собравшаяся толпа, а собрание высших представителей общества. Функция папы при этом короновании была чисто духовная, степень его участия в создании новой империи

Серебряная монета папы Льва III (795–816)
и Карла Великого.

была даже меньше, чем участие его предшественников Захарии и Стефана в создании каролингского королевства. После коронования папа принес новому императору клятву в верности, как старший из епископов в его империи. Шаг, сделанный Карлом, был сознательным, хорошо обдуманным и подготовленным действием, и как бы выражением новых отношений и наступившего нового порядка было введение присяги на верность для всех подданных, как духовных, так и светских: каждый из них по достижении 12-летнего возраста должен был присягать императору и признавать себя «подданным Цезаря». Был изменен и придворный церемониал в различных торжественных случаях. Точно так же Александр Великий, сделавшись «повелителем всей Азии», требовал коленопреклонения от всех подданных — и от македонян, и от эллинов. Так была восстановлена Римская империя, получившая особый характер вследствие того, что в ее состав вошла христианская церковь, а императором теперь стал один из германских государей.

Эта обновленная Римская империя захватывала пространство земель около 25 тысяч кв. миль, ее границы можно определить так: на севере и западе — Эйдер, Северное море, Атлантический океан; на юге — Эбро, Лири или Гарильяно и Драва; на востоке — Дунай или Тиса и Эльба. Численность населения империи не может быть выражена строго определенным числом. Наименование Великого император Карл заслужил и своей правительской деятельностью, и воинскими подвигами: хотя все воинские предприятия совершались под его верховным руководством, он принимал личное участие лишь в очень немногих больших сражениях. Как истинно великий человек, он был одновременно и воином, и государственным деятелем, и полководцем, и правителем; завоевание, не сопряженное с высшей государственной целью, не могло бы послужить основой славы, способной удовлетворить сознание

**Карл
как пра-
витель.**

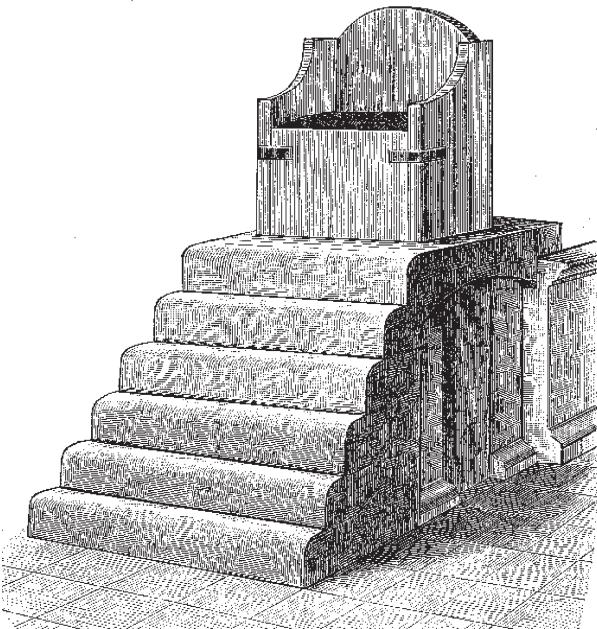
западного человека. Чтобы править государством, необходимо умение соединять и руководить, и в высшей степени интересно, какие именно средства единения Карл умел пустить в ход и применить к своему государству, столь пестрому и разноплеменному.

Наиболее действенным из этих средств единения была личность самого государя. В лице Карла, в высшем и влиятельнейшем положении, во главе общества появился наиболее замечательный по уму и характеру человек

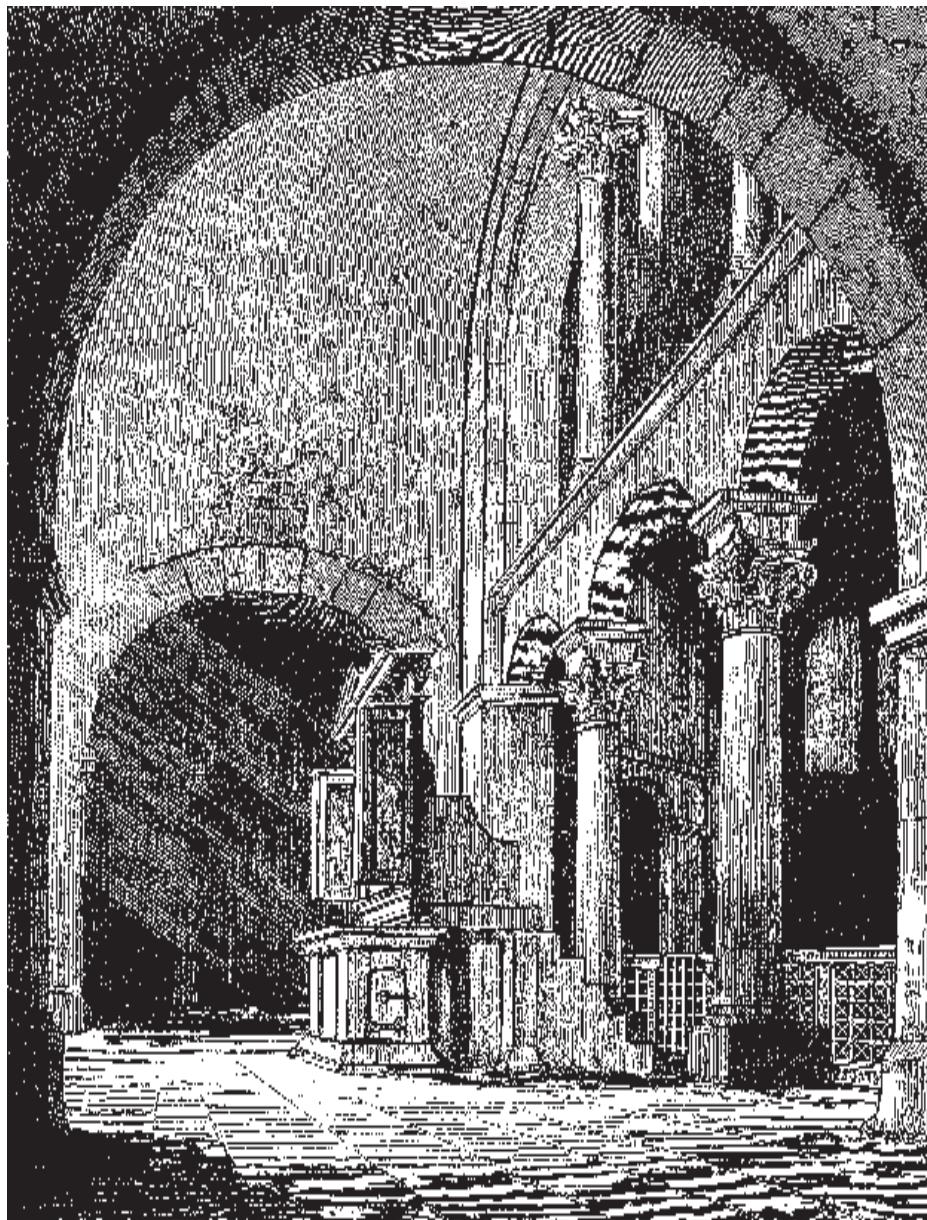
**Личность
Карла
Великого.**

того времени: один из тех, кто умеет окружать себя умными и знающими советниками, привязывать их к себе и при этом обладает настолько острым взглядом и тонким чутьем ко всему разумному и полезному, что может с пользой применить умный совет на деле. А Карл, в довершение того, признав что-либо необходимым, умел это необходимое быстро приводить в исполнение или же с терпеливой энергией постепенно добивался того, что выполнялось само собой. Карл в высокой степени обладал качеством, которым отличаются все великие люди — Александры и Цезари: быстрой действия и неутомимостью.

О быстроте действия свидетельствует история его походов, но и помимо их он в мирное время много путешествовал; а его влечение к деятельности было неистощимо: кому не известен рассказ о том, как он во время одевания велел изложить сущность какой-то тяжбы и тут же ее разрешил. Он и за столом приказывал себе читать; редко случалось, чтобы он проспал всю ночь; и чуть только ему не спалось — он поднимался и начинал упражняться в трудном искусстве писания, которое, по германским воззрениям, почиталось почему-то несовместимым с воинским ремеслом. Любознательность его была поразительна, стремление к познанию доходило до наивного любопытства. Как все деятельные натуры, он любил правильность жизни. Он терпеть не мог пьянства и был умерен в питье и еде; на его столе не бывало более четырех блюд; посты он соблюдал неохотно, хотя был благочестив и любил блюсти церковные обряды. Одевался он тоже всегда просто и

Мраморное кресло Карла Великого. Аахенский собор.

Интерьер Аахенского собора. В центре видно кресло Карла Великого.

просторно, подобно всем франкам, и только в церковные праздники или при больших церемониях менял простую одежду на богатый наряд. При этом очень любил телесные упражнения, верховую езду, плавание, охоту и те менее стеснительные общественные отношения, которые устанавливаются на охоте или при подобных упражнениях. Будучи очень живого темперамента, обладая умением и любя хорошо говорить, Карл ощущал потребность в большом и разнообразном обществе. Он прекрасно говорил на немецком и латинском языках; греческий он понимал, но не говорил на нем. «Голос его, — так рассказывает Эйнхард¹, — был чистый и звонкий, но не соответствовал его статному, крепкому телосложению». Рост его он определяет так: «7 его ступней в вышину» — т. е. он был хорошего роста, выше среднего, но не такой великан, каким его обычно представляют. При нем в его стране не было определенной столицы, как Константинополь в Восточной Римской империи, или Багдад в халифате; обычно он пребывал в одном из городов на Рейне: в Аахене, Ингельхайме, Нимвегене, — и тут собирал свою семью. «Но здесь, — говорил Эйнхард, — в своей семейной жизни этот счастливый человек испытал превратности судьбы». В чем именно они состояли, он не говорит; но хорошо известен источник этих неприятностей и досад, которые крылись в разнуданности нравов, еще со времен Меровингов господствовавшей при дворе франкских королей, от которой даже у этого великого государя не хватало сил отречься. Эта сторона его жизни не встречала особенного порицания среди окружавшего его духовенства, и сам Эйнхард говорит об этом как о чем-то естественном. Из трех сыновей Карла его пережил только младший, Людовик. Воля такого выдающегося государя среди еще не сложившейся государственной и общественной жизни была мало чем ограничена; однако государство Карла не было деспотией, хотя решающее слово всюду произносилось самим императором. Древним единственным средством единения были съезды или *рейхстаги* (*Reichstage*), которые, хотя и не сложились еще в определенную форму, собирались дважды в год под председательством государя, которому они служили важным подспорьем в законодательной дея-

Карл Великий.
Голова бронзовой статуэтки из Меца.

¹ Единственный писатель, из сочинения которого можно извлечь важнейшие черты характеристики Карла, т. к. в его словах содержится личное впечатление современника, в течение долгого времени общавшегося с великим монархом.

тельности. Рейхстаги происходили осенью в виде меньших, предварительных собраний, и весной, в виде заключительных общих собраний. На подобные собрания добровольно съезжались сначала светские сановники, а потом и духовные, архиепископы и епископы, которые пользовались здесь большим

влиянием и значением как люди просвещенные, привычные к государственным делам и к их коллегиальному обсуждению¹. На них сходилось много всякого люда, который, однако, здесь только выражал свое чувство, когда ему в простой и разумной форме объявлялось о том или другом решении короля или рейхстага. Законодательная деятельность Карла была обширна. Находились люди, которые укоряли его в том, что его законодательство было самовластным, что в его время не было издано никаких общих сборников права. На эти укоры можно ответить, что никакие общие сборники законов для такого несложившегося государства с разнородным населением были невозможны. Его личные указы, капитулярии, в той форме, в которой выходили из императорской канцелярии, были направлены на частности, поддававшиеся общему упорядочению, как, например, в области народного хозяйства, религиозной жизни, правосудия. Гуманное направление капитулярий характеризуется тем, что волшебники, ведьмы и ведуны (*tempestuarii*, т. е. наводившие бури и грозы) вместо прежних варварских наказаний отдавались духовным лицам для назидания; или же знаменательным указом 805 г., по которому в мирное время никто не должен был носить оружия. Старый обычай, о котором упоминает Та-

Ювелирное украшение. Дар Карла Великого церкви Раковины.

Монета Карла Великого.

Позолоченное серебро.

AVEPC. Надпись по кругу на латыни:
«Император Август».
PEVERC. (Место чеканки — Трир).

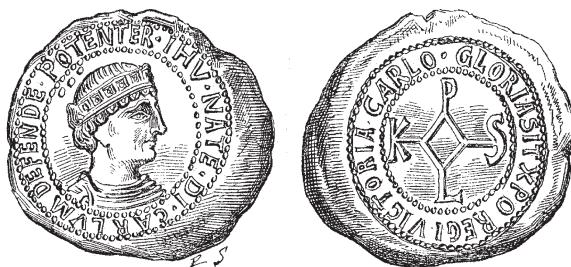
цит, даже на народные собрания приходить с оружием, начинал исчезать ввиду упрочившегося мирного общественного состояния.

Более великая заслуга Карла заключается в том, что он сумел привести в порядок и применить на практике правильное управление страной, которое способствовало ее умиротворению. И если первым средством объединения империи считается личность императора Карла, а вторым — его рейхстаги, то третьим средством объединения разнородных составных частей империи

**Управле-
ние госу-
дарством.
Графы.**

¹ Первоначально эти мартовские, а позднее — майские съезды имели значение воинских смотров, на которые собирались все вассалы короля со своими отрядами.

были, несомненно, поставленные им чиновники. Старинные народные вожди, герцоги и в Аквитании, и в Баварии, и в стране лангобардов, и всюду, где возможно, были устраниены. Все государство было поделено на округа (*gau*), всюду были поставлены королевские чиновники, графы для сбора войск, управления и правосудия. Их должность была *бенефицием*, т. е. должностью, порученной государем и сопряженной с обязанностями, пристекавшими из понятия об бенефииции или лене. Правосудие, относившееся к обязанностям графа, было неодинаково при большом разнообразии народов, их судебных обычай-

Свинцовая печать Карла Великого.

ев и правовых воззрений на огромном пространстве империи. Заслуживает упоминания обстоятельство, что уже в те времена затруднительная обязанность, побуждавшая всех свободных людей собираться на частые судебные съезды, была облегчена назначением *шеффенов*, выборных из свободного населения, которые на суде у графа являлись представителями свободного населения. Графства на границах, в *марках* — Испанской, Британской, Датской, Сорбской, Аварской, Фриульской — имели военное устройство, были подчинены *маркграфам* и застроены укрепленными замками с сильными гарнизонами. С обычной осмотрительностью Карл заботился и о постройке внутреннего флота, в котором особенно нуждались постоянно угрожаемые берега Италии и смежных с ней островов. Весьма затруднительно при громадных пространствах и протяженных путях сообщения было наблюдение за чиновничеством. Для этого была установлена должность особых «*посланцев*»: *missi dominici*, наблюдавших за судопроизводством и военным делом, и *missi fiscalini*, наблюдавших за управлением вообще. Эти посланцы всюду проводили волю государя, идею государственного единства. Существеннейшим средством единения было привилегированное положение, которое выпало на долю франкской национальности: из нее (хотя и не исключительно) избирались преимущественно высшие чиновники, графы и чиновники-посланцы. Карл старался, где было возможно, избирать высших сановников и не из франков. В этом отношении было особенно ценно то, что немалое участие в управлении принимали духовные лица и что при замещении различных духовных должностей никакого предпочтения определенной национальности не давалось.

Католическая церковь и единообразное воспитание, которое она давала, были одним из важнейших связующих начал в империи и составляли одно из важнейших правительственныех средств Карла. Церковь представляла для этого еще плохо организованного государства громадное преимущество уже вполне сложившегося организма. Не только при искоренении язычества

Церковь
и воспи-
тание.

в Саксонии, но и во многих других случаях церковь шла рука об руку с Карлом. Ему она обязана чрезвычайно многим и не без основания причла его к лицу праведников, хотя в строгом смысле христианского учения он не может быть отнесен к этому разряду. Прежде всего, Франкфуртским капи-

Трапеза герцога с дружиной времен Каролингов. Реконструкция XIX в.

тулярием 798 г. он обеспечил внешнее положение духовенства, обратив обычную уплату десятины на пользу церкви в государственный закон. Еще большую услугу Карл оказал духовенству, тщательно следя, чтобы оно соответствовало своему высокому призванию. Реформа франкской церкви, начатая еще Бонифацием, была в значительной степени расширена епископом Хродегантом Мецким (около 760 г.), который и для белого духовенства вменил в обязанность канонический образ жизни. Клирики кафедральных церквей были обязаны жить по определенным правилам и притом в общежитии, как монахи. Карл старался поощрять развитие проповеди на народном языке, дабы все народы его страны действительно могли проникнуться духом христианства; а т. к. далеко не все духовные лица были в состоянии составлять проповеди на народном языке, то он распорядился создать особые сборники проповедей в помощь проповедникам и составление поручил Павлу Диакону, сыну Варнефрида. И вообще, он очень близко к сердцу принимал образование духовенства, как о том свидетельствует известная поучи-

тельная история, рассказанная одним санкт-галленским монахом. Император зашел в школу для клириков и стал прислушиваться к вопросам учителя; оказалось, что дети богатых семей отвечали хуже, а дети бедных лучше. По окончании вопросов император обратился к ученикам с речью и сказал им прямо относительно их будущего, что не станет обращать внимания на лица и положения и бедным, но отличившимся в учении, раздаст лучшие епархии. Так из немного, случайно сохранившегося о Карле, можно узнать его светлый взгляд на все, что было важно для образования. Он и церковное пение очень ценил. «На Пасхе 787 г., — повествует один из современников, — произошел спор между певцами-галлами и певцами-римлянами. Галлы утверждали, что они поют лучше, а римляне — что исполняют церковные песнопения по предписаниям св. папы Григория. Спор дошел до самого короля Карла, который решил его в пользу григорьевских напевов». Папа Адриан прислал к нему двоих ученейших певцов римской церкви. Из них он одного отправил в Мец, а другого в Суассон; все франкские певцы должны были научиться римскому напеву. Обучение шло так успешно, что вскоре оказалось, что учившиеся в Меце певцы стали настолько же выше других гальских певцов, насколько римские были выше мецких...

«А в другой раз, — сообщает тот же исторический источник, — король вывез с собой учителей математики и счетной науки из Рима во франкскую землю и повсюду распространил изучение этих наук». Незаурядный государственный талант Карла Великого способствовал расцвету культуры.

Одно из древнейших изображений Карла Великого.
Мозаика IX в. Рим. Латеран, триклиний Льва III.

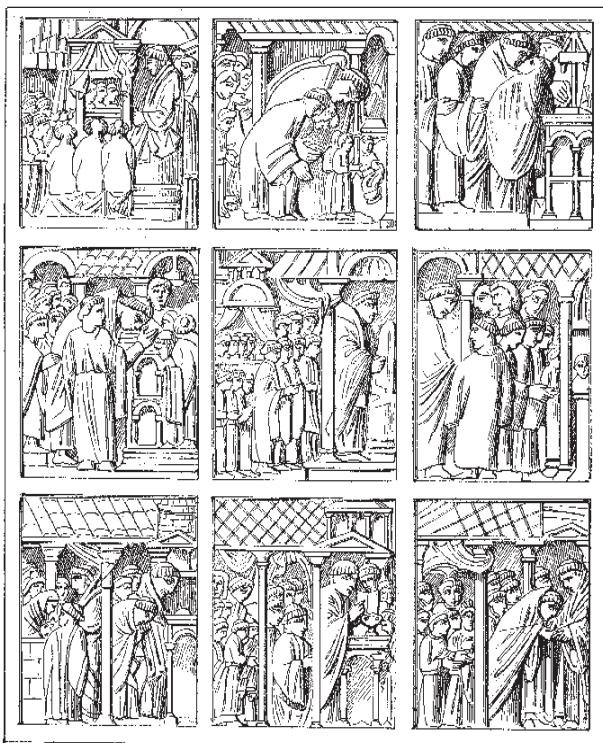
Святой Петр передает Карлу Великому знамя Рима,
а Льву III паллиум как символы светской
и духовной власти.

**Импера-
тор и
церковь.**

По отношению к церковной иерархии Карл сохранял свое положение самодержца в полной неприкосновенности. Приняв новый титул римского императора, он отчасти стал главой церкви, и его друг папа Адриан не напрасно, хотя и с другими целями, указывал ему на пример императора Константина: он не выносил высокомерия духовных сановников, не избавляя

духовных лиц от взимания податей и, подобно своему деду, хотя и не с такой же суворостью, поддерживал свое право свободно распоряжаться земельными владениями того или другого монастыря, т. е. не признавал коллективного права церкви на недвижимые имущества. Он сам назначал епископов на места и снабжал их бенефициями, с которыми одновременно были соизвежены определенные обязательства. Он не затруднялся даже входить во внутренние дела церкви, как, например, в догматический спор об *адопционизме*, который вызвал местные соборы в Регенсбурге 792 г., во Франкфурте 794 г. и был отвергнут как еретическое учение.

К почетнейшим чертам характера этого замечательного человека

Алкуин. Пластиинка из слоновой кости с переплета молитвенника Дрогона, брата Карла Великого, изображающая таинства мессы.

относится его живой интерес к науке и духовному развитию. Именно это личное увлечение придавало силу и значение его усилиям на пользу народного образования. Его учителем и ближайшим доверенным лицом в этом направлении был англосакс Алкуин из Нортумберленда, который с несколькими учениками прибыл ко двору франкского короля и был посажен им в аббаты Турского монастыря. Это было нечто вроде ученого общества, собиравшегося при особе Карла, — целая академия, члены которой носили классические и библейские имена. Даже женщины при дворе Карла принимали участие в этом обществе. Ревность Карла к науке выражалась как нельзя

лучше в прекрасном желании, которое он однажды высказал, заметив, что был бы счастлив, если бы в его царстве нашлось 12 мужей, подобных святыму Августину и святому Иерониму, на что Алкуин весьма остроумно ответил ему: «У самого Господа, владыки неба и земли, было их только двое, а ты желаешь их иметь двенадцать!»

Карл Великий преподносит деве Марии Аахенский собор.

Позолоченный рельеф по меди. Ковчег с мощами Карла Великого в Аахенском соборе, сделанный по указу Фридриха Барбароссы после причисления Карла Великого к лику святых в 1165 г.

Многосторонняя административная деятельность Карла в основном была направлена на побуждение народа к практической деятельности — занятия сельским хозяйством, промышленностью, торговлей. Он создал для этого все условия — безопасность от внешних вторжений и внутренний порядок, насколько это было возможно в то время преобладания грубой силы и, насколько это было в его власти, поощрял развитие отдельных отраслей промышленности. Он сам, как крупнейший землевладелец, был разумным и прекрасным хозяином; его имения представляли собой образцовые хозяйствственные заведения. От своих управителей он требовал точного отчета: если они провинились, то должны были явиться в резиденцию короля «и отвечать своей спиной или понести иное наказание, какое угодно будет назначить королеве». По старому обычаю королеве в этой части управления принадле-

Сельское
хозяйство
и торговля.

жала значительная самостоятельная роль. Хищных зверей, особенно волков, велено было преследовать и истреблять. Еще за два года до смерти Карла появилось подробное законоположение, посвященное обработке земли — знаменитый *Capitulare de villis* (812 г.). Главным считалось умножение и улучшение путей сообщения, и выполнить это было легче единовластному правителю большого государства, чем правителям разрозненных владений.

Карл обратил внимание прежде всего на улучшение водных сообщений — и в 793 г. появился грандиозный для того времени проект соединения каналом Дунайского и Рейнского бассейнов. Проект не был приведен в исполнение из-за невозможности добыть достаточное количество необходимых рабочих рук. Неудачно окончилось и другое благодетельное предприятие — постройка постоянного моста через Рейн у Майнца. Его строили 10 лет и построили так прочно, что, по словам Эйнхарда, «все считали, что этого моста на век хватит»; но пожар 813 г. уничтожил это прекрасное сооружение в течение каких-то трех часов. Считается, что мост подожгли лодочники, занимавшиеся перевозом через реку — весьма выгодным до постройки переправы промыслом. План замены этого моста каменным так и не осуществился.

Торговля того времени в основном находилась в руках двух племен: фризов и иудеев. *Фризы* жили во внутренних городах — Майнце, Вормсе, Кёльне, где о них до сих пор напоминают названия некоторых улиц, а фризские (фряжские) сукна всюду были в цене и составляли важную статью торговли с восточными странами. За морем торговля была сосредоточена в руках *евреев*, в то время более искусных в мореплавании. В правление Карла они пользовались такой веротерпимостью, какой ни до него, ни после него им никто не оказывал. Им разрешалось строить синагоги

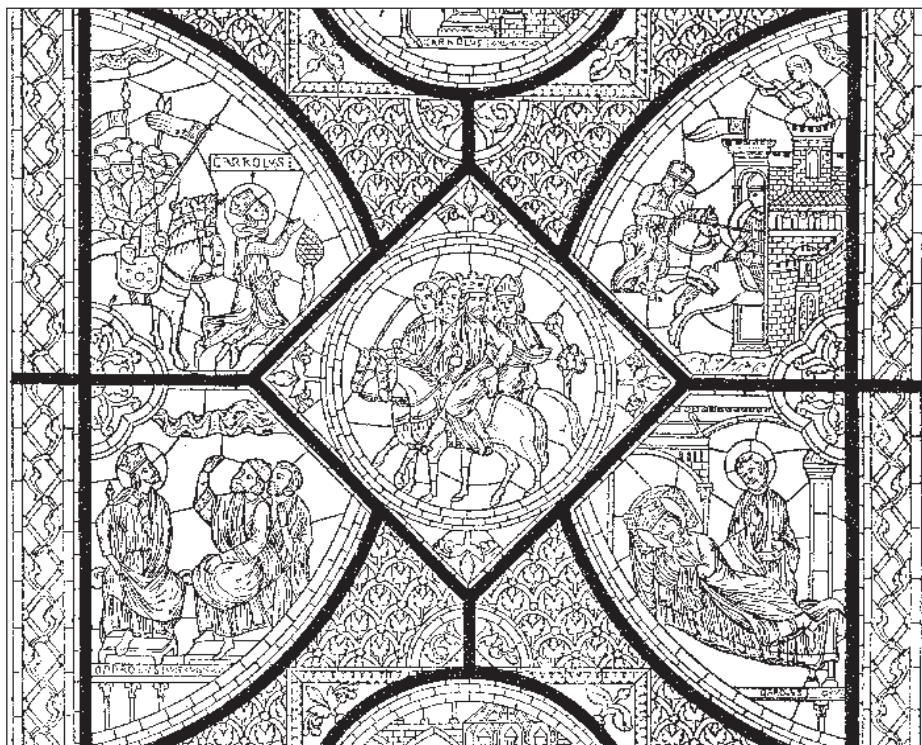
ти во многих городах, например, в Кёльне и Нарбонне, они даже могли занимать общественные должности. Даже при Карле находился иудей *Исаак* в качестве толмача, которому давались важные поручения, поскольку Карл через Массилию завел непосредственные отношения с Востоком и даже обменялся посольствами с одним из аббасидских государей, халифом *Харуном ар-Рашидом*. При этих посольствах государи обменялись дарами: при франкском дворе можно было полюбоваться большим слоном Абу ал-Аббасом и превосходной арабской потешной палаткой — подарками халифа. Особенно все дивились диковинным часам, не поддающимся описанию даже такого искусного писателя, как Эйнхард. Это были водяные часы из бронзы, они обозначались 12 медными шариками, которые звонко ударяли о нижний металлический тазик, и 12 всадниками, которые в конце каждого часа выезжали

Торговля и международные связи.

Каролингский сеньор.
С миниатюры IX в.

ли из особых ниш. «Да и другого диковинного было много в тех часах, что теперь и пересказать было бы трудно», — замечал современник. Упоминается также, что Харун признал за своим далеким союзником нечто вроде права защиты христиан, живших в Иерусалиме. Можно предположить, что со стороны Харуна это было более любезностью, нежели актом, имеющим какое бы то ни было политическое значение.

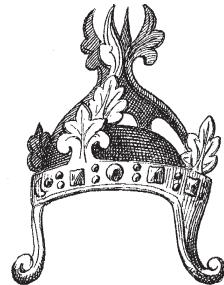
«Витраж Карла Великого» в Шартрском соборе. Изображает мифическое путешествие Карла в Святую землю и мифически истолкованную битву в Ронсевальском ущелье.

Это блестящее государство, связавшее воедино столько сильных народов и давшее им государственный строй, страдало только одним недостатком — оно основывалось на разуме и воле одного великого деятеля. Когда Карл приблизился к старости, злая судьба, тяготевшая над его домашней жизнью, лишила его сыновей Карла и Пипина, и разделение государства на три части, предпринятое им в 806 г., оказалось излишним. В 813 г. император созвал большой съезд государственных чинов в Аахене, где предпочитал жить в последние годы. На этот съезд явились богатые и знатные землевладельцы,

**Съезд в
Аахене.
Назначе-
ние на-
следника.
813 г.**

высшие духовные и светские сановники и представители власти; много было и иного люда, который хоть и не был представителем народа, но, по крайней мере, заменял его. На этом торжественном собрании Карл возложил венец на главу своего единственного сына и наследника. «Многая лета императору Людовику!» — возгласила толпа вслед за вельможами и знатью. О каком бы то ни было участии духовенства или папском содействии при этом не было речи, акт венчания Людовика был более неожиданным, чем акт венчания Карла в 800 г. «Хвала тебе, Господи, — сказал император Карл, — что ты даровал моим очам возможность видеть моего сына на моем престоле!» Затем поручил своему коронованному наследнику его братьев и отправил его в Аквитанию, где Людовик и правил со славой.

Пять месяцев спустя 28 января 814 г. Карл скончался. Один из источников того времени утверждает, что перед смертью он приобщился тайне святого Карла. **Кончина** был миропомазан епископами. «Когда все сие совершилось, он поручил душу свою Богу и умер с миром... И никто не может передать, как велик был плач и сокрушение о нем по всей земле; даже язычники выразили о нем сожаление. Величайшая скорбь была среди христианского мира и во всем его царстве». Останки Карла были погребены в церкви святой Марии в Аахене.

Корона Каролингов.